

НЕ ХОДИ СЛУЖИТЬ В ПЕХОТУ!

**КНИГА 6. ПАМИРСКИЙ МАРШ
МОТОСТРЕЛКОВОГО ПОЛКА**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юрий Тимофеев

Юрий Тимофеев
Не ходи служить в пехоту!
Книга 6. Памирский марш
мотострелкового полка
Серия «Не ходи служить
в пехоту!», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65463936

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-96390-0

Аннотация

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!».

Повествование начинается с конца 1979-го года. Ввод войск в Афганистан глазами командира мотострелкового взвода. Героический марш вооруженного тяжелой техникой мотострелкового полка через высокогорья Памира и Гиндукуша в сорокаградусный мороз, при шквальном ветре, снежной буре, по серпантинам. Всё ли так гладко было? Книга о людях, служивших в единственном полку, который с первого дня на территории Афганистана вступил в бои. Первые потери. Взятие под контроль Ваханского коридора и в целом провинции Бадахшан. Как учились воевать и как тогда ко всему этому относились. Как

комплектовались. К чему готовились. Как служили и как воевали призванные из запаса «партизаны»? А как потом «вживались» в эту войну сменившие их «срочники»? Как это было?

Это не боевик. Книга о людях и событиях, в которых они участвовали. Какими они были? Основана на реальных событиях.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	77
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Юрий Тимофеев

Не ходи служить в пехоту!

Книга 6. Памирский марш

мотострелкового полка

Предисловие

Продолжение серии «Не ходи служить в пехоту!»

Посвящается всем, кто воевал в составе 40-й Общевойсковой армии Вооруженных Сил СССР в Афганистане, в частях и соединениях, находившихся в оперативном подчинении 40-ОА, всем кто служил в пехоте и с пехотой, как в обычной, так и в крылатой. Отдельно посвящается солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам 860-го отдельного Псковского Краснознаменного мотострелкового полка.

Глава 1

В декабре 2006-го года, я приехал в штаб Приволжско-Уральского военного округа в город Екатеринбург. Начальник штаба округа решил очно собрать начальников штабов соединений и провести с нами кое-какие занятия.

Занятия закончились, а я должен был встретиться со своим бывшим командиром батальона, который был при выводе полка из Нагорного Карабаха, в далеком 1992-м году.

Это была уже не первая встреча с ним. Впервые после 1992-го года мы с ним встретились полгода назад, я был в Екатеринбурге по службе, тоже ездил в штаб округа. Выпили поговорили. Вспомнили былое. Рассказали кто и что слышал о наших бывших однополчанах по службе в Нагорном Карабахе, в 366-м гвардейском мотострелковом Мозырьском Краснознамённом ордена Суворова полку (366-й гв.МСП). Я тогда попросил своего бывшего командира написать о событиях ввода советских войск в Афганистан. Подробно изложить что и как было. Особо просил остановиться на том как 860-й ОМСП, в котором служил мой собеседник, совершил мало кому известный, но героический Памирский марш в декабре 1979-го года.

К этому времени он уже уволился из армии, был военным пенсионером. После Нагорного Карабаха прибыв в распоряжение командующего округом в Екатеринбург его на-

значили на должность старшего преподавателя в Свердловское ВВПТАУ, которое вскоре стало Екатеринбургским высшим артиллерийским командным училищем. Так и прослужил в нём до пенсии, чем был очень даже доволен.

Встреча прошла не спеша, обстоятельно. Макаров принёс большую стопку листов, это были светокопии тетрадных листов большой общей тетради советского образца с его записями, и собственный текст на электронном носителе. Всё это он передал мне.

— Когда-то я думал написать мемуары. Взялся, но понял, что писательское ремесло не для меня. Получилось простое перечисление каких-то событий. Бездушное. Кому это интересно?! Отдай кому-нибудь, кто пишет современную военную прозу. Может дело выйдет.

Макаров улетал в Турцию. Его сын был успешным деловым человеком. Имел свое дело, семью и отправлял на теплые моря Макарова и его жену с внуками, почти на всё лето.

Я с радостью забрал себе этот драгоценный материал, с большим интересом приступил к его отработке. Это была самая настоящая живая история. Постепенно оформил весь материал в хронологическом порядке, систематизировал. Что-то спрашивал и просил пояснений Макарова по электронной почте. Сам дополнял и исправлял. Увлёкся. Постепенно приобретал первый опыт работы с художественным текстом. Первоначально получилось в форме художественных очерков, но связанных между собой героями. Пошёл

дальше. Начал выяснять у Макарова что происходило между событиями, описанными в очерках, с тем чтобы выстроить сплошную хронологию. Выяснял, сделал. Потом просил рассказать подробнее. Так и получилась целая книга.

Будь я всего-то на год старше, почти наверняка оказался бы после училища в Афганистане, прослужил бы там как минимум год до вывода войск. Пронесло. А ведь я хотел в своё время.

Оставшись после развода с Аллой один, я всю свою энергию отдавал службе. Но все-таки времени у начальника штаба дивизии, при хорошей организации дела, да при хорошем заместителе и начальнике оперативного отделения, остаётся достаточно. К моменту своего перевода в Главное оперативное управление Генштаба, у меня было очень многое сделано. Мне оставалось только что-то дополнить. Поэтому мы с Макаровым активно переписывались по электронной почте.

Я попытался взять в Центральном архиве нашего министерства, который расположен в городе Подольске, журнал боевых действий и исторический формуляр 860-го ОМСП. Поговорил с начальником архива, таким же полковником (в то время), как и я. Договорились. Но вскоре, до моей поездки в Подольск, меня вызвал целый заместитель НГШ и начал задавать вопросы, для чего мне это понадобилось. Разумеется, я ему честно ответил, что по службе мне это не надо, объяснил, что пробую в свободное время писать книгу, насчет такого героического, но никому не известного события.

Генерал pokrивился, позвонил одному генералу из аппарата министра (центральный архив подчинялся тогда аппарату министра) и сообщил что всё это является недоразумением, практическая надобность ознакомления с документами этого полка «в данный момент» отсутствует. В мой адрес произнёс следующее:

– Вам товарищ полковник заняться в ГОУ нечем? Есть время хернёй страдать, книжки писать?

– Товарищ генерал-полковник, любой время может найти при желании. Кроме того, мне самому очень интересно как-то изучить этот опыт, может быть даже что-то дельное, не художественное получится написать.

– Вот если будет желание написать научную статью, тогда милости прошу. Помогу всем чем смогу. Получите доступ ко всему что попросите. Но сначала актуальность, план и тому подобное в военно-научный комитет Генштаба. Есть другой путь – через главного редактора журнала «Военная мысль».

Я постоянно читал этот журнал. Очень редко там печаталось что-то достойное, в основном он работал как источник публикаций для диссертаций (диссертации – абсолютный псевдонаучный анахронизм, на мой взгляд). Всё что там было написано излагалось очень плохо, особенным канцелярским языком, «без привязки к местности». Бывает прочтешь статью и думаешь самому написать за автора выводы, конкретные. Не получается, потому что статья пустая. Но были и сильные вещи, которые потом обсуждались и сильно

критиковались. Было даже такое что после публикации, автора обвиняли в «непатриотизме», но всё-таки в предательстве и шпионаже не осмеливались обвинить. То есть находились преданные блюстители морали и патриотизма. Как сидели на партсобраниях в 85-м году, так там и остались. Таким образом, несмотря на моё издевательски-критичное отношение к этому изданию, я его читал. Во всяком случае именно из этого журнала я узнал много чего такого что потом, в общественном пространстве и особенно среди телеболтунов, получит название «гибридная война». Автором этой статьи был уже известный в армии генерал и написана она была вполне человеческим языком. Наделавшая столько шума статья и её дальнейшее развитие в других публикациях, была последовательным развитием темы, преподававшейся нам ещё в Общевоинской академии. Это сочетание «мятеж-войны» с боевыми действиями парамилитарных военизированных формирований (официально не входящих в состав военной организации страны) на поле боя. Причем ведется она методом сетецентричной войны, то есть дополнительно подключается самоорганизация снизу-вверх, которая в свою очередь приводит к самосинхронизации, при которой функция шага превращается в ровную кривую и бой переходит к высокоскоростному континууму. То есть ты навязываешь свою волю противнику – только, причем действуешь в нужном тебе темпе, с нужной интенсивностью в нужном месте.

Элементы сетенцентричной войны частично уже были опробованы армией США в Ираке и 7-м флотом ВМС США в 1995 году в Тайваньском проливе. В основе этой системы сочетание высоко производительной сенсорной сетки с высоко производительной боевой сетью. Сеть датчиков быстро формирует осведомленность о боевых действиях, а боевая сеть переводит эту осведомленность в манёвр и увеличение мощности огневого поражения в нужном месте, в нужное время. Эта сила способна быстро сломить платформоцентричную оборону. Сенсорная сеть (СЕС) комбинирует данные с многочисленных датчиков и быстро вырабатывает сложный маршрут действий, учитывая особенности сражения и создавая такой уровень осведомленности боевых действий, который превосходит всё, что может быть создано с помощью автономных датчиков.

А если совсем по-простому, это когда каждый отдельный солдат, БМП, танк, гаубица, вертолёт, самолёт, пусковая установка, РЛС, разведчик, диверсант, пропагандист, дипломат, «трейдер», «брокер», «менеджер», учитель, организованная преступность, агенты влияния, продажные политики и так далее, будут соединены единым информационно-командным пространством, управляться будет «супермозгом», «искусственным интеллектом» ну и тому подобное. Однако, в тот момент у нас, в России, не было ни одного «суперкомпьютера» и в соответствующих мировых списках (рейтингах) таких компьютеров, России не было видно. Никто

этот искусственный интеллект ещё не создал, но к этому надо стремиться. Во всяком случае, то что к этому стремятся в США мы знали точно. В нашей армии я таких предпосылок вообще тогда не видел. Кроме того, совсем не просматривался интерес к изучению глубинных проблем действий общевойсковых полков в различных условиях. Всё сводилось к тому или иному правильному/неправильному решению того или иного командира/начальника. А вот насчёт анализа самой системы, которая привела к решению не притрагивались. Я трезво оценил перспективу оценки «актуальности» моей возможной статьи, за написание которой я бы взялся ради доступа к документам этого полка и сделал вывод что через эту стену мне не пробиться. Генштаб уже тогда размышлял в такой тематике и на её фоне все эти изыскания о войне в Афганистане невозможно обосновать. Это мне было очевидным. А если всё-таки, добиться и написать всё по правде – до обвинений в предательстве от идеологизированных дураков не избежать.

Сейчас, когда современные армии мира уже вплотную подошли к совершенно новым методам ведения войн, актуальность опыта войны в Афганистане обосновать казалось не возможным. Но вопрос актуальности не просто остался у меня в голове, он не давал мне покоя.

В чем актуальность этой книги про то как там воевали в этом Афганистане или, как и в каком состоянии в эту страну войска входили? Кому это нужно? Кому интересно? Где там

этот «Стан»? Возможно интересно это только самим участникам, как воспоминание о пережитом. Возможно кому-то из тех, кто воевал в Чечне. А может всё-таки молодежи будет интересно? Какими были эти люди, которые в этом Афгане воевали?

Мой бывший командир говорил, что сейчас ему важна «Только» память о людях, память о явлении «советский солдат», «советский офицер», «советский человек» и больше ничего. На все эти системные и профессиональные вопросы ему – плевать и точка. Он что-то не договаривал, и я чувствовал в его словах обиду за то, что нынешним властям плевать на участников войны в Афганистане потому что вспоминают они о ней только во время каких-то юбилеев, в лице одиозных «героев» той войны. Но Макарову, как я понял, важна не просто память. Какими они были тогда? Были ли те что стали героями или просто заслуженными воинами «советскими иконами» в ротных ленинских комнатах? Или были такими же, как и мы сейчас? Вот что важно. Важно потому что в настоящей и сильной армии должна быть преемственность. Потому что каким бы не были современными военные технологии, в основе всё равно остаётся человек – Солдат. Именно осознание необходимости преемственности, у края пропасти заставила коммуниста Сталина, вернуть многие традиции Русской императорской армии: погоны, ордена Славы похожие на Георгиевские, имена русских полководцев на советских орденах, суды чести офицеров, единонача-

лие и многое другое. Поэтому и сейчас, когда прошло уже много лет, после распада СССР, хочется, чтобы всё лучшее из того что было в Советской армии осталось в Российской. Вот на такую тяжелейшую задачу мы с ним замахнулись.

Кроме прочего у нас с ним стояла задача написать именно художественную книгу про советскую пехоту в Афганистане. Видели, что книг документально-хронологического характера – хорошего качества, уже много. Но книг художественных, рассчитанных на большой круг читателей мало. Есть про десантников, спецназ и других. А про пехоту, которая там воевала просто беззаветно, художественных книг – практически нет. Не правильно получается.

В итоге, к моменту моего убытия в отпуск, к 20-му августа 2008-го года, была завершена большая работа. Я распечатал её, взял чтобы читать в отпуске самому и попросить прочитать Лену. Человека постороннего, но знающего и помнящего СССР, помнящего войну в Афганистане. Причем она её помнила по новостям радиостанции «Голос Америки» и других «вражеских» голосов. Пусть сравнит и скажет говорили ли там правду или тоже врал, как и наши, но в разной степени. Я, разумеется, многое знал из первоисточников – от участников той войны, которые в большом количестве были моими сослуживцами. Имел уже своё мнение.

В отпуске я намеревался перед сном посвящать чтению не менее часа, а может и двух. Тем более, со слов Лены, она тоже любила почитать на ночь.

С большим удовольствием прочитал книгу генерала армии Майорова Александра Михайловича «Об афганской войне. Свидетельства главного военного советника». Благодаря этой книге я смог посмотреть на начальный период афганской войны глазами генерала армии. Да и без этого я уже прочитал огромный массив материала о том, кто и как принимал решения о вводе войск. Кто и что требовал от войск в разные периоды, к чему это привело.

Кроме того, я прочитал книгу Александра Михайловича «Вторжение. Чехословакия 1968. Свидетельства командарма». В этой книге были описаны события ввода войск в Чехословакию в 1968-м году. Прочитав его свидетельства об Афганистане, то есть свидетельства спустя 10 лет, я мог сравнивать и судить о том в каком состоянии была армия 1968-м году, потом в 1979-м году. О том в каком состоянии она была в 1988-м году я уже мог судить сам, так как именно в этом году я начал офицерскую службу в войсках.

После прочтения книг Александра Михайловича, я ещё больше утвердился во мнении что 1968-й год был пиковым годом расцвета Советской армии, после которого начнётся падение, сначала медленнее, потом всё быстрее и быстрее, особенно это было связано с министром обороны СССР по фамилии Устинов, маршал Советского Союза никогда не служивший в армии..... со всеми вытекающими из этого последствиями.

Сейчас перед моими глазами был черновик труда о на-

чалом периоде войны в Афганистане глазами лейтенанта пехоты – командира мотострелкового взвода мотострелкового полка.

К слову сказать, имея уже опыт службы в Генеральном штабе, книга Александра Михайловича мне показалась настолько честной и умной, что я её начал рекомендовать всем, кто интересуется этой войной. Когда, позже, я начал читать что пришлось пройти нашим солдатам и офицерам, накладывал на них воспоминания Александра Михайловича и у меня многое сходилось, но не всё (особенно в части боевых действий афганской армии). Я начал хорошо понимать почему такое происходило в управлении войсками, как и почему принимались решения. Ну а как эти решения исполнялись в боевых полках? Как к этому относились профессионалы – офицеры и прапорщики полков? Как всё это работало во взводах, ротах, батальонах?

Ясно что взгляд солдата на войну не сопоставим со взглядом генерала. Достаточно прочесть мемуары генералов о Великой отечественной войне и сравнить, например, с творчеством В. Астафьева. Или прочесть книгу генерала Г. Трошева (например) и сравнить её с другими книгами о войне в Чечне. Что выйдет? Между ними – пропасть. Однако, сами участники Великой отечественной войны больше всего уважали так называемую «лейтенантскую прозу», потому что жизнь младших офицеров не сильно отличается от солдатской, но диапазон шире, плюс ответственность – за всё.

Открыл уже в самолете и медленно начал читать то что получилось.

Глава 2

«Все фамилия и имена героев вымышлены.

Для чего это сделано?

Это не документальная работа. За давностью лет могут быть естественные ошибки. Но эти ошибки могут обидеть участников или их родственников.

Можешь кого-то отметить в бою, а кого-то можешь забыть. Тоже многим обидно.

В художественной прозе никуда не денешься от своего личного отношения или восприятия, в то время. Субъективизм – естественный. Тоже может не всем понравиться, потому что это по определению не объективно.

Не всегда, не все поступки, и дела героев книги являются примером для подражания. А ведь некоторые из героев книги уже ушли из жизни. Сейчас книгу могут прочитать их потомки. А там такое! Зачем? Поэтому имена изменены.

СССР. Киргизская ССР, город Ош. Территория Среднеазиатского военного округа (САВО). Декабрь 1979-го года.

Я, лейтенант Виталий Макаров, командир мотострелкового взвода 9-й МСР (мотострелковая рота), 3-й МСБ (мотострелковый батальон) 860-го отдельного мотострелкового Псковского Краснознаменного полка. Отдельный – это значит, что этот полк не входит в состав какой-либо дивизии. В нашем случае полк непосредственно подчинен командиру

17-го армейского корпуса (АК) в составе САВО.

Пять месяцев назад я, закончив Орджоникидзевское высшее общевойсковое командное училище (ВОКУ), в конце августа прибыл служить в этот полк. Сам я из города Тобольска, в нём родился, учился в школе, потом потупил в Свердловское суворовское военное училище, по окончании которого продолжил обучение в Орджоникидзевском ВОКУ.

Училище, которое я закончил одно из немногих в СССР в котором курсанты обучались горной подготовке, что сыграло большую роль при выборе мною военного училища, потому что больше всего на свете я любил горы. Было много особенностей при проведении с нами тактических занятий, при изучении правил стрельбы в горах и отработке стрелковых упражнений в горном учебном центре. Таким образом, я уже совсем не в теории знал, что такое горы, знал, что такое недостаток кислорода. И конечно, ни один выпускник нашего училища, не забудет курсантские «штурмы» Маль-Чоч-Корт, высотой 3670 метров над уровнем моря с полной выкладкой (разумеется).

В свою очередь полк в который я прибыл служить предназначался для прикрытия государственной границы с Китаем, с которым были очень плохие отношения. Полк в случае войны должен был вести боевые действия в Алайской долине. Алайская долина – межгорная впадина в пределах Памиро-Алайской горной системы в Ошской области Киргизии. Отделяет Памир (на юге) от Гиссаро-Алая (на севе-

ре), протянувшись с запада на восток между Алайским и Заалайским хребтами на 150 километров. Ширина от 8 до 25 километров, площадь около 1700 квадратных километров. Высота от 2240 метров на западе до 3536 метров на востоке. Также полк должен был в случае агрессии Китая действовать и на Памире, для сдерживания китайцев на подступах в Алайскую долину.

Принял взвод. Три БМП-1 и восемь человек личного состава. Остальной личный состав на случай войны должен был поступать из военкоматов Ошской области Киргизской ССР.

Наш 3-й МСБ – самый неукomплектованный в полку батальон и больше всех привлекаемый к выполнению хозяйственных работ. Зато у нас меньше всех проблем с личным составом, оно и понятно: меньше людей – меньше «залётов». Да и вообще сразу обратил внимание что батальон считается как бы второстепенным (скорее даже третьестепенным), поэтому внимание со стороны командования полка ему уделялось меньше, что тоже было не плохо. В случае чего за весь полк в основном отдувался 1-й МСБ, реже 2-й МСБ, а больше всех танковый батальон (ТБ).

Место дали в полковом офицерском общежитии. Комната на двоих. Сосед по комнате выпускник Московского ВОКУ прошлого года – Саша Пархоменко, мы с ним служим в одной роте. Он же и мой лучший друг. Саша родом из города Белая Церковь, в Киевской области.

В целом быт вполне сносный. В полку работает военторговская офицерская столовая где за не большие деньги можно вполне хорошо поесть. У нас есть кипяtilьник заводского производства, одна трехлитровая банка в которой мы кипятим воду. Одна литровая банка из-под варенья – эта банка для заварки. В тумбочке всегда лежит грузинский и азербайджанский чай, пачка сахара кусочками, не менее двух банок рыбных консервов, немного хлеба, печенье и частенько варенье которое мы покупаем на местном очень богатом рынке, который здесь называют словом «базар». На подоконнике у нас неизменно яблоки, гранаты, груши. Фруктовое изобилие – роскошь для того места откуда я родом.

Жизнь вполне нормальная. И только одно плохо. Здесь совершенно нет женщин, девушек. То есть в городе их много, но они все местные. С местными мы не знакомимся, нет такого желания. Русских женщин здесь совсем нет. В полку есть несколько солдаток-разведёнок, но они уже в возрасте, и с ними любит любезничать начальство.

В воскресенье спортивный праздник в полку, после него мы свободны. В батальоне останется ответственным заместитель комбата по политической части, а мы с Сашкой пойдем на рынок, купим там шурпу и шашлыки из баранины, есть там место где хорошо готовят и не очень дорого. Потом купим мясо и на ужин сами пожарим шашлыки на площадке возле общежития, потом будем ими закусывать водку.

Так всё и сделали. Вечером после водки стало совсем

скучно.

– Где бы кого-нибудь снять? – первым начал разговор я.

– Да уже сколько говорено на эту тему. Негде. Тебе же сказал Осадчий что надо жениться и привозить сюда жену.

Старший лейтенант Василий Осадчий, наш командир роты. Всячески воспеваает свою Волынскую область и город Луцк, откуда он родом, но самых лучших эпитетов удостоивается Закарпатская область. Хороший он командир, но частенько огрызается то с комбатом, то с начальником штаба батальона (с ним чаще всего). За что наша рота получает больше всех. У Васи обостренное чувство справедливости и он очень ревностно следит за тем чтобы нам не досталось задач больше и сложнее чем другим. Похвально. Но на деле всё выходит наоборот. За его эти пререкания получаем мы больше чем другие. У него красивая жена, очень. Сам Вася закончил Алма-Атинское ВОКУ, в котором тоже курсанты проходили горную подготовку. Жена у него из Алма-Аты, правда украинка. Вася и не мог жениться не на украинке, иначе это был бы не Вася, у которого всё лучшее на Украине. Жена Васи была учительницей русского языка, но украинский знала, хотя и не жила на Украине никогда, мама научила.

– Что-то не хочу я жениться.

– А у тебя вообще есть кто-то?

– Да, переписываюсь с одной хорошей девчонкой. – ответил немного уклончиво Саша.

– И кто она?

– Студентка пятого курса Киевского медицинского института.

– И что?

– Что-что! Ей еще после пятого курса года три учиться надо. А у тебя есть кто?

– Есть. Но так не серьезно.

– Кто? Не тяни.

– Ну я, когда в Свердловском суворовском учился, познакомился с одной умной и красивой. Переписывались, так вяло, когда я в училище учился. А тут после выпуска заехал к ней в Свердловск по пути в Тобольск. Она в архитектурном учится. Посмотрел на неё повзрослевшую и обалдел. Теперь вот не знаю, что делать.

– А что тут знать?

– Не скажи. Во-первых, ей еще два года учиться, ведь она на год младше меня и учиться ей пять лет. Во-вторых, где она в гарнизонах найдет работу архитектора?! Скажи!

– Тебя послушать так жениться надо на пэтэушницах или продавщицах.

– Хороший вариант! А еще лучше на подавальщицах.

– Чего? Это кто такие?

– Это так, раньше официанток называли. А еще половыми их называли. Представляешь, ты говоришь у меня жена подавальщица!

– Звучит как давальщица. Всем даёт.

– Да! Но зато тебе на обед приносит самую большую котлету.

Мы смеялись от души.

– Так что с прекрасным полом делать будем? – спросил я.

– Есть одна идея.

– Какая?

– Я тут с одной разведенкой познакомился. Договорился на сегодня. Но результат не известен, скорее всего вряд ли получится. Могу попробовать узнать насчёт подруги.

– Давай! Что тут думать. Звони.

Сашка пошёл звонить к дежурной по общежитию.

Через несколько минут вернулся.

– Ну что?

– Нормально. Есть подруга. Сказала приезжать, где-то через час.

– Кто они? Сколько им лет?

– Разведёнки. Мужья служили в том парашютно-десантном полку, который в Германию в этом году перебросили, им здесь свои квартиры оставили. Работают в местных школах, русские учителя здесь в большой цене. Им уже за тридцать. Твою я раньше, в одной компании видел – тоже ничего, но постарше моей немного.

– Что делаем?

– Моемся, переодеваемся в гражданку. Думаем где достать шампанское и цветы, покупаем водку, ещё соображаем, что купить на стол.

Взяли такси. По совету одного командира батареи, капитана – бывалого холостяка, по пути заехали в один подвальныйчик у рынка – хитрый магазин с дефицитами «из-под прилавка». Там купили конфеты, гвоздики, шампанское, вино, и вместо водки взяли армянский коньяк. Но потратили на всё это по тридцать рублей. По госцене ничего нет, а «из-под прилавка» цены двойные, тройные или даже больше. Не вникали.

Около шести утра, мы едва живые и совершенно еще пьяные добрались до своих кроватей в общежитии.

Примерно в половине девятого за нами прибежал посыльный – один из солдат нашей роты, Осадчий послал.

Мы с Сашей едва стоя на ногах всё-таки успели к разводу.

Комбат – капитан Лесников, строго и внимательно нас осмотрел. Потом выразительно посмотрел на Васю и перевел свой взгляд на капитана Шейко, своего заместителя по политической части. Всё это ничего хорошего не предвещало.

Полковой развод прошел как обычно и после прохождения торжественным маршем мимо трибуны на которой стоял командир полка, комбат вернул наш батальон в исходное положение. Провел развод и уже после него дал команду:

– Старший лейтенант Осадчий, ко мне! С Макаровым и Пархоменко.

Мы направились к комбату, который кивком головы позвал к себе замполита.

В это время весь имеющийся в наличии личный состав

роты – чуть менее 30 человек, повел в парк самый опытный из командиров взводов нашей роты и всего полка – старший лейтенант Виктор Шлей. Виктор из этнических германцев, проживающих в Казахской ССР. Не женат, ростом чуть более 190 сантиметров, блондин, атлетического телосложения, но очень сухой, чемпион всего полка по всем видам единоборств, включая соревнования по силе рук. Имеет первый разряд по боксу. Как и мы, живет в офицерском общежитии. Точнее числится, так как в настоящее время проживает, в основном, у какой-то женщины. Закончил Шлей Дальневосточное ВОКУ, в Благовещенске, четыре года назад, то есть в один год с Осадчим.

У Васи с Виктором были очень хорошие отношения, они дружили и всячески друг другу помогали. Но проблемы у Васи из-за Виктора были громадные. Виктор был самым проблемным офицером полка. Мы знали, что на нём уже «висело» несколько дисциплинарных взысканий и строгий выговор по партийной линии. Поговаривали что он был под угрозой исключения из партии, а это означало что Виктор может никогда не стать даже командиром роты. Впрочем, наличие имеющихся у него взысканий делало его назначение на роту уже сейчас совершенно не возможным. Причиной всех этих неудач было то что Виктор, вне службы, вёл разгульную жизнь, был связан с многими женщинами – примами нашего полка (не только разведенными). Многократно дрался вне службы с офицерами парашютно-десантного полка,

недавно переброшенного в Германию. Кроме того, его неоднократно задерживала милиция, с которой он тоже вступал в рукопашную многократно и командование полка с большим трудом улаживало все проблемы, связанные с этим. Однако Виктор имел непререкаемый авторитет среди всех солдат и сержантов полка. Каждый из них знал точно, что любая «борзость» будет пресечена Виктором немедленно и очень болезненно, поэтому никто даже не помышлял показывать перед Виктором свой характер. И если многие командиры иногда вынуждены были, в целях сокращения временных затрат на убеждение, применять силу принуждения, то как раз Виктору этого не требовалось совершенно. Поэтому наши офицеры-политработники с этой стороны не могли к нему придаться, что стало бы «последней каплей». Вместе с тем, Виктор не очень сближался со мной и Сашкой, как бы показывал этим что мы еще «зелёные» и ему не ровня. Большинство своих приключений он совершал в компании других основных «залётчиков» нашего полка: командира одной из батарей артиллерийского дивизиона, этого самого бывалого холостяка и одного из командиров рот из ТБ.

– Осадчий в чем дело, товарищ старший лейтенант? – спросил комбат.

– Разберемся товарищ капитан.

– А что там разбираться? У тебя командиры взводов слишком много отдыхают, как я посмотрю.

– Загрузим товарищ капитан. – понуро ответил Вася.

– Замполит, я тебе в следующее воскресенье двух помощников нашел. Ни на шаг их от себя не отпускаешь, они будут с личным составом спортивно-массовую и политработу проводить.

– Займусь. – многозначительно и с угрозой в голосе произнёс Шейко.

– Осадчий, когда ты мне представишь технику роты, так чтобы там все сверкало как яйца у кота?

– Я готов товарищ капитан.

– Буду у тебя в роте через полтора часа. Посмотрим, чем твои командиры взводов занимаются.

Весь день мы с Сашей терпели, страшно белела голова. Нас все воспитывали: комбат, Вася, замполит батальона. Но мы вытерпели и каждую минуты ощущали поддержку Виктора, его солидарность.

В офицерскую столовку на ужин не успели и ужинали в общаге.

В принципе день мог закончиться трагически, но нас спасло то что все БМП роты были исправны, в отличном состоянии. Они только в прошлом году пришли к нам прямо с завода, вместо старых БТР-60 ПБ. Как ни старался комбат придраться, толком у него не вышло. По мелочам Лесников, конечно, много чего нашёл, но все понимали, что рота боеготова. Просто отношение Осадчего к технике и вооружению очень болезненное.

Вечером добрались до общежития. Открыли консервы

рыбные, порезали хлеб и лук, открыли бутылку водки. Вот сейчас нам стало легче. Уснули.

11 декабря, во вторник, я заступил начальником караула, следующим вечером сменился и сразу направился к начальнику штаба батальона, он меня ждал.

Начальником штаба нашего батальона был капитан Якушевский, в свое время он закончил Харьковское гвардейское высшее танковое командное училище. Родом он из Могилева. Очень въедливый и дотошный человек – педант и перфекционист во всём.

– Макаров! А что так много замечаний в карауле? А?

– Да там всё мелочи. Все исправили. Доложили. Главное на постах никто не спал. Обязанности знают.

– Исправили! А что надо было дожидаться того, когда тебя начальник штаба полка будет носом тыкать?

– Да нет. И так понятно.

– А в чем дело?

– Ну не заметил.

– А может нет желания?

– Товарищ капитан, ну это же долб...м шомполом грязь из-под плинтуса в комнате бедствующей смены выковыривать!

– Долб...м, согласен. А кто спорит?! А ты Макаров не подумал почему именно у тебя такие проверки происходят?

– Подумал. Но ответ не нашел.

– Я тебе помогу, товарищ лейтенант. Это всё потому что

у тебя прямо на лице написано: ну что вы ко мне пристали? Что вам от меня всем надо? Боевой подготовкой заниматься готов, техникой заниматься готов, но всем остальным заниматься не хочу. Так, товарищ лейтенант?

– Ну так товарищ капитан.

– Не ну, а так точно.

– Так точно товарищ капитан.

– Вот Макаров, до тех пор, пока эта надпись будет на твоей гримасе – до тех пор тебя будут тыкать носом в это говно.

– Чёрт. Ну это же нахер никому не нужно! Зачем?

– Затем, чтобы ты службу понял. Чтобы понял, что в ней не бывает мелочей. Странно что до тебя это еще в училище не дошло.

– Там тоже долго мне это объясняли. Не вышло. Вот поэтому я служу в САВО.

– А что САВО? Надо и в САВО послужить. Советский офицер, общевойсковой командир за время службы должен получить практический опыт службы во всех климатических и географических зонах. – ответил Якушевский затасканной фразой, но с большим задором и воодушевлением.

– Да. Так точно! – тяжело вздохнув понуро ответил я.

– Макаров, давай иди отдыхай и смотри там в общаге с водкой поосторожней, рано тебе еще хандрить. Очень рано. Помни что это дело очень многим нормальным людям жизнь сломало. Понял?

– Так точно, товарищ капитан.

Еще надо было зайти в спальное расположение роты. У входа на этаж меня чуть не сбил с ног механик-водитель моей БМП, молодой, только из учебки солдат. Родом из Азербайджанской ССР, нормальный парень – Мамедов Резван, по прозвищу «Мамед».

Остановил, поговорил и сразу понял, что дембеля его отравили «рожать» сигарету с фильтром. Решил его пожалеть и отдал ему всю свою, уже начатую пачку сигарет «Космос».

В расположении всё нормально. В канцелярию роты позвал своего заместителя сержанта Лаздиныш Харийс. Солдаты дали ему прозвище «Харя», а я его называл «Хари». Ему весной домой. Очень мне повезло с замкомвзводом: умный, здоровый, многое знает.

– Хари, скажи мне для чего надо Мамеда так гонять?

– А что не понятного? Мы летали, теперь их очередь. Всегда так будет.

– Всегда так будет.... Но не дай бог замполит синяки у него найдет.

– Не найдет. Это я вам обещаю.

– Завтра одну машину в готовности к семи утра. Её зампотех погонит на полигон. Какую думаешь лучше дать?

– А что там делать надо?

– Замкомандира полка проведет какие-то занятия с офицерами-партизанами.

«Партизанами» тогда называли военнослужащих, призванных из запаса, уже прошедших службу, их иногда ещё

называют «резервистами», а официально «приписной состав». Такое название они получили за то, что когда их призывают на сборы, то не стригут и вообще военная форма на них смотрится как-то неряшливо, то есть сразу видно, что они люди совсем гражданские и им это всё совершенно не нужно.

– Тогда вашу. Иначе, если что, крика будет на весь полк. Вот Мамед и погонит.

– Проверь всё сам с утра.

– Сделаем. Как вы там в карауле, без меня?

– Не очень-то. Одни замечания. В следующий раз только ты пойдешь моим помощником.

– Это если комбат отпустит. Он хочет, чтобы я наряд по столовой гонял.

– Понятно. Ладно решим. Задачу понял?

– Всё сделаю товарищ лейтенант.

В общаге меня ждала целая сковородка жареной картошки. Это Сашка «прокрутился» всё нашел и пожарил на общей кухне. Он, как и Вася очень хозяйственный, со смекалкой. Ну как с такой закуской не выпить по двести грамм?

– Как Новый год справлять будем? – спросил меня Сашка.

– Погоди, еще надо чтобы нас с тобой в наряд не поставили.

– Не поставят! Сегодня уже подавали списки. У нас с тобой всё в порядке. Начкаром заступит целый командир роты со 2-го батальона. Весь наряд от их батальона. Меняет их

1-й батальон. А их танковый батальон. Нашему батальону в этом году повезло.

– Ура!

– Так как?

– Затаримся.

– Это и так понятно!

– Ну надо бы узнать, как там остальные.

– Я тебе и так скажу. Вася с Виктором соберутся вместе.

Вася с женой, Виктор с какой-нибудь очередной и скорее всего нас с тобой позовут. Меня в прошлом году позвали. Я сходил. Нормально всё вышло.

– Надо только что-то купить.

– В прошлом году выкупали в военторге продуктовые наборы с дефицитами. Так я его полностью и отнес на общий стол, отдал жене Осадчего.

– Нормально. А что там было?

– Помидоры в собственном соку, болгарские. Огурчики венгерские. Какао порошок, банка кофе растворимого, две пачки московского печенья и две шоколадки.

– Отлично.

– Ну а что после Нового года?

– А давай наших подруг позовём в компанию.

– А если они нас к себе позовут?

– Надо у них спросить, какие у них планы. Можно и к ним. Но мне кажется, что они с удовольствием пойдут в нашу компанию, а потом к ним пойдём.

– Давай я спрошу у своей, а ты у своей.

– В общем в воскресенье надо с ними встретиться и поговорить.

– Нас с тобой комбат к замполиту прикрепил на всё воскресенье.

– Вечером он отпустит. Что за херня такая? Да пошли они! Мы что курсанты что ли? Не волнует, вечер наш и точка!

– Тоже верно.

13 декабря комбат устроил смотр учебно-материальной базы в порядке подготовки к учениям.

Вообще-то про эти учения я услышал сразу по прибытии в полк. Тема этих учений то затухала, то опять возобновлялась. И вот сегодня, прямо с утра командир полка взвинтил темп, все забегали. У Васи всё было готово, он очень предусмотрительный, хозяйственный и ответственный. Вася уже был членом КПСС, посещал партсобрания и вместо комсомольских взносов платил партийные.

Когда мы, офицеры полка, говорили об учениях, мысленно это слово брали в кавычки. Когда произносили это слово вслух, всегда несколько меняли интонацию, так чтобы это слово выглядело как камуфляж к более сложному и серьезному событию. Событию под названием «Война».

Тема войны с КНР витала не просто в воздухе, она кочевала из одних политзанятий с солдатами в другие. Офицерам, на занятиях по командирской подготовке, постоянно в качестве вероятного противника ставили Народную освободи-

тельную армию Китая (НОАК), что естественно, постоянно говорили об «агрессивных устремлениях» Китая. Подчеркивали фанатизм личного состава, который компенсировал их отставание в вооружении. Хотя обученность личного состава НОАК ставилась нам в пример. Наши офицеры-политработники проводили линию «агрессивного Китая» очень последовательно и со знанием дела. А все офицеры, да и солдаты понимали, что офицеры-политработники не будут нести какую-то «отсебятину», понимали, что это такая установка Глав ПУРа СА и ВМФ, а точнее Политбюро ЦК КПСС, то есть нам говорят то что не могут в открытую сказать по телевизору или написать в газете.

И всё это было абсолютно не на пустом месте.

Совсем недавно в марте 1979-го года закончилась очень жестокая и умеренно интенсивная война между КНР и Вьетнамом. СССР поддерживал Вьетнам.

На занятиях, по командирской подготовке которые регулярно проводились с офицерами полка, нам детально разъясняли ход боевых действий, опыт и ошибки сторон. То есть тема войны с Китаем не была какой-то не сбыточной или надуманной. Тем более здесь, на границе с КНР эта тема ощущалась вполне реально.

Все ждали продолжение китайско-вьетнамской войны и вступление в неё СССР.

Я, Саша и Виктор стояли втроем и курили.

– Ну что готовы к войне? – спросил нас подошедший в

курилку замполит батальона.

– Так точно. Готовы. – спокойно ответил Виктор.

– Слышали, что в городе пропали спички, соль, мука, крупы, макароны и даже хозяйственное мыло? – с насмешкой в голосе спросил замполит.

Замполитом нашего батальона был капитан Шейко, Сергей. Он четыре года назад закончил Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. Был замполитом учебной роты в учебной дивизии в Бердичеве и недавно переведен в наш полк, с повышением. Женат на какой-то не очень красивой, но с прекрасной фигурой минчанке, учительнице. Все на неё облизывались, но лицо немного смущало. Хотя это было делом второстепенным.

– Нет, не слышали такого. – ответил Саша.

– Говорят такие вещи – верный признак скорой войны. – сказал Виктор.

– Такое в городе было в феврале, как раз, когда началась война китайцев с вьетнамцами. – заметил замполит.

В это время в курилку зашел Якушевский и вступил в разговор:

– В январе тогда слухи по городу поползли что китайцы очень любят местных женщин, и мужчин тоже любят. Точнее мясо мужчин, у них же там жрать совсем нечего.

Все дружно рассмеялись.

Прибежал посыльный и вызвал всех к комбату. Собрались все офицеры нашего батальона. Лесников поставил задачу.

Вся техника роты и весь личный состав сегодня до 18 часов должна быть сосредоточен на полигоне, в палаточном городке.

– Приказ командира полка оборудовать лагерь батальона на весь личный состав по штату военного времени.

– А что такое случилось? – спросил Вася.

– Учения. Будут поставлять приписной состав до штатов военного времени.

– А может там китайцы что-то задумали не хорошее? – предположил Шейко.

– Если бы китайцы, тогда сказали бы получать горную экипировку и мы сейчас рожали бы конспекты по горной подготовке, для занятий с партизанами. А так командир полка сказал основное внимание уделить подготовке техники, в готовности к совершению марша. Значит пойдем на технику, по своей территории. Может подойдем к китайской границе, там постреляем – покажем им нашу огневую мощь.

– Так больше ясности. – угрюмо произнес Осадчий.

– Полная ясность! Никто нас в самые горы не погонит. Так поднимемся немного. Постоим. Потом резкий разворот, марш на полигон и там сходу, с марша, стрельбы. Готовьтесь. Надо будет успеть провести выверку оружия на весь личный состав, по штату военного времени. Иначе «неуд» и привет!

– Почему мы в горы, а не первый батальон. Он же у нас горный считается? – спросил Вася

– Всё изменилось. Теперь в новом учебном году именно

3-й МСБ будет горным. Такое принято решение. А первый и второй батальон будут усиливаться противотанковыми средствами, скоро придет директива Генштаба с новым штатом, в штат этих батальонов включают противотанковые взвода на 9П148, ожидаем что в штат полка введут противотанковую батарею на 9П149 «Штурм-С», это вообще только принятый на вооружение ПТРК. В сочетании со штатным противотанковым вооружением на БМП и гранатометчиками это будет огромна сила, китайцам в долине на танках будет не пройти.

После этого нас в канцелярии роты собрал Вася и стал распределять задачи. Совещание офицеров роты уже подходило к концу.

В это время прозвучала команда дневального по роте: «Смирно! Дежурный по роте на выход!». Осадчий резко рванул к выходу из канцелярии роты, но выйти не успел. Дверь канцелярии распахнулась и в канцелярию стремительно вошел Якушевский. Мы вскочили, но он жестом показал, чтобы мы рассаживались. Осадчему не дал доложить.

– Так, 9-я рота слушаем меня внимательно. Вы уже знаете, что наш батальон в этом учебному году будет проходить подготовку по программе горной подготовки.

– Только сегодня, при вас, комбат довёл. – ответил Осадчий.

– Но что это значит? Понимаете?

– Нет. – за всех ответил я.

– Правильно. Это просто пиз...ц! Всё будет меняться. В

первую очередь, изменится штат нашего батальона. То есть штат нашего батальона будет сильно отличаться от штатов двух других батальонов. Далее – нас комплектуют под завязку, это будет штат военного времени. По штату людей в батальоне будет более пятисот пятидесяти человек. Далее, где-то сразу после Нового года получаем личный состав до полного штата. Личный состав для укомплектования пехоты будет специально подбираться. Это будут призывники из горных районов Союза. То есть люди максимально адаптированные к горным районам, к высокогорью. То есть прежде всего призывника из Горного Бадахшана Таджикской ССР, народности Северного Кавказа, которые живут на Эльбрусе и рядом с ним. Поэтому, Вася, начинаем отрабатывать конспекты для занятий. Пишите первые – показываете мне. Начинаем готовиться заранее, там времени уже не будет. Так что 9-я рота начинаем к новому ритму жизни готовиться. Одно могу пообещать теперь проверяющих в нашем батальоне будут толпы. Каждый шаг будут докладывать наверх. Наш батальон будет чуть ли не единственным во всей Советской армии горным и укомплектованным по штату военного времени. Но не переживайте, по штату будет помощник командира батальона по горной подготовке, капитанская должность. Также в феврале, к началу конкретных занятий по горной подготовке к нам приедут помогать два преподавателя горной подготовки из Алма-Атинского ВОКУ, будут у нас до конца зимнего периода обучения. Они нам помогут и там у

них свои ещё будут задачи. Вопросы?

– Что там по этим учениям слышно? – спросил Вася.

– Да ничего. Погоняют нас дней десять и вернемся в полк. Всё начнется после Нового года. Вот там только поворачивайся.

– А что с китайцами? – задал вопрос Шлей.

– Только что от начальника штаба полка. Он сам лично разговаривал с офицером из разведуправления штаба округа. Говорит никаких новых китайских частей в зоне ответственности полка нет. Но у китайцев всё быстро. Поэтому кто его знает. С другой стороны, о подготовке китайцев к войне с Вьетнамом было известно за долго до её начала. Поэтому и не случайно, что наш батальон начнут заранее и целенаправленно готовить к действиям на Памире.

– Товарищ капитан, но вы же знаете, что горной подготовкой надо заниматься на специальном горном полигоне. А где он? Так просто целый батальон не обучить. – решил высказаться и я.

– Не я знаю, а это хорошо знают в управлении боевой подготовки округа. Не открою вам большую тайну, что несколько лет назад наш батальон участвовал на Памире в эксперименте под руководством Главного военно-медицинского управления и там много каких выводов сделано. Отдельно сделан вывод о том, что призывники из России, Украины, Белоруссии, Прибалтики очень плохо адаптируются к условиям высокогорья, а в большинстве своем совершенно не

способны воевать в этих условиях. И вообще адаптация к высокогорью личного состава должна начинаться не менее чем за две недели до начала боевых действий. Отсюда вывод что весь личный состав горных подразделений должен проходить боевую подготовку только в условиях высокогорья и вообще он должен длительное время жить в условиях высокогорья. Поэтому один из стройбатов уже получил задачу оборудования полноценного горного полигона – огромного по площади. Нет сомнений что к Новому году он эту задачу выполнит. Вот на этом полигоне мы и проведём весь учебный год. Там и проверку сдавать будем. И весной, и итоговую осенью. Получим после Нового года личный состав, пару недель проведем на нашем полигоне, приведём всё в порядок и далее в горы, на новый горный полигон.

Все двенадцать БМП-1 нашей роты мы перегнали на полигон к часу дня. А к пяти вечера уже стоял палаточный лагерь роты, впрочем, лагерь только на тот личный состав, который был в наличии. В тот момент времени все солдаты и сержанты помещались в одну платку. Еще поставили две палатки, одну для четырех офицеров роты (прапорщиков не было) и одну для оружейки, хотя оружие на полигон брать команды не было. Поставить лагерь с расчетом на будущее пополнение не было возможности, так как на вещевом складе текущего довольствия не оказалось нужного количества палаток. А приказ снимать всё с неприкосновенных запасов (НЗ) не поступал.

Мы с Сашей остаемся в лагере ночевать, Вася и Виктор едут ночевать в Ош.

К вечеру на полигоне была уже вся техника нашего батальона, полевой лагерь батальона приобрел свои первые очертания.

Саша остался в роте старшим (ответственным). После отбоя слышали, что дембеля слишком сильно ржут. Зашли в солдатскую палатку – накурено.

Построили. Всё ясно. Дембеля запаслись водкой и употребили её.

Что делать? Воспитание через коллектив. Держим личный состав в строю до тех пор, пока не признаются кто зачинщик. Знаем заранее что это бесполезно, но и оставить это без внимания тоже не можем.

Замполит идет. Сориентировались мгновенно, отправили бойцов спать.

– Что вы так долго личный состав в строю держали? – с большим подозрением в голосе спросил Шейко.

– За бардак в палатке. – с честнейшим выражением лица произнес Саша.

– И всё?

– Так точно товарищ капитан. – подтвердил Саша.

– Понятно.

– Кто из вас сегодня ответственный?

– Я. – ответил Саша.

– А уж не водочку ли они у вас тут употребили?

– Никак нет. – поспешил заверить замполита я.

Ушёл. Он явно что-то заподозрил, но не стал лезть глубже. Нам не хотелось подводить Осадчего, разумеется, всё скрывали.

В конце концов, сами разместились у жарко растопленной печки в своей палатке, отправили истопника часа два поспать.

Истопник у нас сегодня молодой и исправный младший сержант, родом из-под Ужгорода, Закарпатская область, Иван Кобылица – любимец Осадчего. Сам он себя часто называл гуцулом. Я о таких народах раньше не слышал. Со слов самого сержанта проживал этот народ в Карпатах, но, когда его называли хохлом, показывал, что ему не нравится, а если спросить всегда объяснял, что никакого отношения к украинцам он не имеет. Смешно было слушать Ивана, когда он огрызался на этот счет. Иван был у меня во взводе командиром отделения, только-только пришел к нам из учебной воинской части где учился на командира БМП. Я присматривался к Ивану насчет того сможет ли он в последствии заменить моего заместителя Хари и пока выводов не делал. Иван очень покладистый парень, на все руки мастер. Приучен с детства к крестьянскому труду, сообразительный и не смотря на то что считался «молодым», не был совсем забитым, хотя доставалось ему очень много. Он мужественно всё это переносил и ждал своего часа. Перед тем как его отправить, я дал ему две банки перловой каши с мясом из своего пайка,

сказал ему их разогреть на печке и при мне скушать. Иван для вида отказался, а потом всё очень быстро сделал, выпил чая, который я приказал ему нам с Сашей заварить, дал ему еще сахара из своих запасов. Иван справился очень быстро. Бойцы это называют «нехваткой» – позорный термин в то время в нашей армии. Но естественное состояние молодого человека, при переходе с домашнего (гражданского) питания на солдатское. Я всё хорошо понимал и поддерживал Ивана как мог. Только после того как он быстро справился с едой, отправил его. Я бы ему вообще разрешил поспать в нашей палатке, но мы с Сашей задумали поужинать с бутылкой водки и выпивать при солдате нам не хотелось.

Саша имел уже в своих полевых снастях небольшую сковородочку. А в нашем офицерском скарбе роты был еще хороший чайник киргизских пастухов, заварку заваривали в банке из-под варенья.

Открыли три банки рисовой каши с мясом. У нас с Сашей был с собой кусок баранины и небольшой кусочек курдючного бараньего сала. Саша со знанием дела поставил сковородочку на печку, потом очень тонко нарезал и бросил на сковородку сало баранье, а затем и баранину. Я налил нам в кружки чай. Чай пока что для прикрытия, ведь в третью кружку я налил водку, спрятал бутылку, а саму кружку придвинул Саше. На тарелке у нас уже был порезанный лук и зелёный солёный (армейский) помидор.

– Твоё здоровье! – сказал Саша и первым отхлебнул.

Я забрал кружку и допил водку. Саша закусил луком, а я долькой помидора. Тонко нарезанное мясо быстро прожарилось и Сашка вывалил в сковородку кашу. Пошел вкусный запах.

В этот момент в палатку зашел Шейко.

– Ужинаем?

– Собираемся. Личный состав уложили, всё нормально. – ответил я.

Замполит придвинул к печке табуретку и начал греть ладони. Сейчас уже температура воздуха, вне палатки опустилась до пяти градусов мороза.

– Чай будете товарищ капитан? – спросил Саша.

– С удовольствием! – произнес Шейко и схватил кружку где только что была водка. Поднес кружку к носу, понюхал, на всякий случай и произнес:

– Вот бл..ь, потом удивляться будете почему солдаты пьют.

Мы молчали. Оправдываться бесполезно.

– Будете водку жрать – в партию только через мой труп вступите. Ясно?

– Так точно. – дружно ответили мы.

– Комбат что насчет водки говорил?

– Запретил. Что он ещё сказать может? – ответил Саша.

– Вот получит ваш Осадчий завтра от него по полной.

– За что? – спросил Саша.

– За то, что вы запрет комбата нарушили.

– А комбату кто доложит? – опять спросил Саша.

– А хоть бы и я? – со злобой в голосе ответил Шейко

– А вам это зачем?

– Затем что комбату надо же знать кто из офицеров и как к его приказам относится. Или не надо?

– Иногда не надо. – ответил Саша.

– А на хер вы так поступаете?

– Да что такого будет если два офицера выпьют по сто грамм, после отбоя?

– Если бы по сто. А то ведь у вас наверняка поллитровка, так?

– Так. – ответил я.

– Покажи, сколько выпили.

Я достал бутылку. Показал.

– Ну мало пока. Всё рано ведь допьете.

– Не допьем.

– Если бы по сто – это ещё полбеды, но разве вы остановитесь?

– Остановимся. – твердо ответил я.

– Как вам верить? Вы же врёте. Комбат запретил. Вы ему не ответили отказом, и решили обмануть – втихаря выпить. Так?

– Никто его не обманывал. – зло заметил Саша.

– Ну как же?

– Мы промолчали, но никто не говорил, что будет выполнять что он скажет.

– И в бою так же? – с возмущением произнёс замполит.

– Нет конечно. – с таким же возмущением произнёс Саша.

– Не знаю. Не уверен. Как вам верить? – продолжал замполит.

– Вы отлично знаете, что насчет водки всегда отдельный разговор. Тут совсем другое.

– Потом можно добавить, что насчет баб тоже отдельный разговор. Так Пархоменко?

– Так точно товарищ капитан. Вам решать докладывать комбату или не докладывать.

– Ладно. Поверю. Пархоменко ты же сегодня ответственный?

– Так точно.

– Давай так. Я не зверь. Поэтому – по сто-сто пятьдесят грамм и спать. Макаров – вообще к личному составу не подходит. Договорились?

– Слово! – глухо произнес Саша.

– Ладно. Останется это между нами. Чаем-то напоите?

– Конечно! – воскликнул я.

– Давайте с нами каши с мясом.

– Нет. У вас у самих мало. Ешьте. Я сейчас чаю выпью и пойду пройдуся. Посмотрю, как там личный состав, как наряд.

– Нам хватит, давайте с нами, товарищ капитан.

– Нет. Нормально я поел. Кушайте и заканчивайте с водярой.

Замполит встал, допил крепкий чай и вышел из палатки.

– Не можем мы с тобой без залёта. – хмуро произнес Саша.

Я наполнил кружку водкой, мы выпили и принялись поедать кашу с мясом.

Нормально поужинали. Водку не допили. Закурили.

Опять вошел Шейко.

– Доели, допили?

– Так точно. – ответил я.

– Чаем ещё угостите?

– Конечно. – произнёс Саша и налил в кружку крутой заварки.

Замполит отхлебнул, со вкусом. Поставил кружку на край печки и закурил.

– Ложитесь спать оба. Я всё равно спать не буду.

– А вы товарищ капитан откуда родом? – задал вопрос я.

– Из Ивано-Франковска. – глухо ответил замполит.

– Выходит служили вы в бердичевской учебке, рядом с домом? – заметил Саша.

– Повезло сильно. Очень повезло.

– А семья где? – спросил Саша.

– В Бердичеве пока что. Я же там квартиру успел получить. Жена перед Новым годом поедет в Ивано-Франковск, к моим родителям, там после Нового года рожать будет. Вот жду первенца.

– Как там на Украине?

– Там хорошо. Только не знаю я теперь, когда туда вернусь, может уже после дембеля только, ну это не считая отпусков. Широка страна моя родная! Пархоменко ты мне лучше скажи в партию вступать думаешь?

– А что тут думать? – огрызнулся Саша.

– Как что? Вот с водкой надо завязывать. Жениться. Вступить в партию. После этого роту получить. Сделать роту отличной. Мы же с тобой земляки почти, а ты что-то совсем расслабился. А то я ведь не посмотрю, что ты мой земляк и живо организую тебе персональное дело на комитете комсомола полка.

– Ух, товарищ капитан умеете вы поддержать.

Я отвлёкся от их разговора на свои мысли и думал о своей студентке.

Вскоре замполит ушёл, я почистил зубы, и завалился спать. Предварительно вызвал истопника Ивана, по прозвищу «Гуцул».

14 декабря в 5 часов 30 минут поступила команда о приведении полка в боевую готовность «Повышенная».

Наш батальон со всей своей техникой уже на полигоне. Для офицеров полка это означало переход на казарменное положение. Примерно в 6 часов 30 минут все офицеры батальона уже были на полигоне. В девять утра почти все офицеры батальона, прихватив с собой по пять человек с каждой роты, поехали в полк получать оружие по штату военного времени. Прошло это дело очень организованно и быстро.

ро. Сначала разобрали оружие из единой оружейной комнаты всего батальона на личный состав по списку, потом на складе РАВ получили давно пронумерованные и проштампованные ящики с оружием роты по штату военного времени. Погрузили всё оружие в выделенные роте два Зил-131 и поехали на полигон. Правда, Сашка отпросился у Васи сбегать в магазин, я нормально за него отработал.

Приехали на полигон перед обедом. Сашка успел даже на рынок и купил баранины, риса, лук и морковь. Кроме этого, принес большой, старый казан. И самое главное принёс нам по пять бутылок водки. Расходы мы с ним разделили пополам.

Всё оружие еще раз перепроверили и выставили вооруженный наряд по роте. С оружием шутки в сторону.

Личный состав питался сухим пайком. Мы тоже были поставлены на довольствие, но выданные сухие пайки убрали в свои вещевые мешки. Заначка будет. Начали жарить баранину. Сашка задумал впервые в жизни нам с ним приготовить плов, в крайнем случае кашу рисовую с мясом.

У Васи с Виктором были домашние припасы. Разумеется, всё пошло на общий стол, на обед. Но выпивать Вася до отбоя категорически запретил. Шейко ничего про водку комбату не доложил, ну и мы не стали Васе говорить о нашем происшествии.

После обеда рота материального обеспечения полка привезла палатки на весь личный состав роты по штату военного

времени. Вроде бы и дело не сложное, но едва до отбоя успели с оборудованием полноценного лагеря полнокровной мотострелковой роты. Все работали очень хорошо, можно сказать дружно. Лесников неоднократно приходил, но не орал, наоборот многое подсказывал. Нормально.

Эту ночь уже все четыре офицера роты ночевали в лагере. Вася, сам лично, затеял ужин офицеров и его организацию. Он был не только очень хозяйственным и домовитым, он ещё и был любил хороший. А насчет вкусно поесть ему равным в роте не было.

Стол преобразился. Васе жена сложила два украинских полотенца с красными национальными орнаментами, которые он называл «рушник». Эти полотенца сразу преобразили убранство нашего стола, вообще в палатке стало очень уютно: горячая печка, вкусный запах жареного мяса, тепло очень и ещё эти два полотенца.

Личный состав уже отдыхает, у нас всё готово. В тамбуре палатки припрятаны и охлаждаются две бутылки водки. Начали рассаживаться.

Прозвучала команда дневального по роте: «Дежурный по роте на выход!». Вася вскочил и со словами:

– Кого там принесло? – выскочил из палатки.

Через пару минут в палатку вошел комбат и Якушевский, а за ними Осадчий.

Мы вскочили.

– Так! Что Осадчий решили водки попить? – сходу спро-

сил Лесников.

— По сто грамм, товарищ капитан, если вы не возражаете. — смело ответил Вася.

— Понятно. — с угрозой в голосе ответил комбат.

— А что нам не нальёшь? — спросил Якушевский.

— С удовольствием! — мгновенно ответил Вася.

— Как вкусно у вас тут пахнет! — протяжно произнёс комбат.

— Товарищ капитан присаживайтесь, поужинайте с нами. — ответил Вася.

Комбат вопросительно посмотрел на Якушевского.

— Александр Владимирович, давайте посидим. Что-то я аппетит нагулял, промёрз. Да и выпить хочется. Так в пределах разумного. — ответил Якушевский.

Комбат как будто именно такого ждал ответа.

— Уговорил. — ответил комбат.

Начали рассаживаться. Виктор достал бутылку и открыл её.

Капитан Лесников, мой командир батальона, год назад женился и у него только-только родился сын. Он очень старался вечером как можно раньше уйти домой, так как его жена коренная ленинградка, немного избалованная женщина (такие слухи до нас дошли) с большим трудом справлялась с бытовыми проблемами, а никаких родственников у Лесникова здесь не было, естественно. Закончил он Ленинградское ВОКУ в 1972 году, в августе получил должность комбата.

Поговаривали что у него есть «волосатая рука», что его дядя генерал-лейтенант служит в управлении нашего САВО. В любом случае назначение на подполковничью должность капитана, дело совсем не обычное, хотя и не такое уж редкое. Но его уверенное, иной раз переходящее в самоуверенность поведение подпитывало эти слухи. Тем не менее, знания комбата были очень хорошие и поэтому у нас оставались сомнения в правдивости слухов, считали, что могли его назначить и просто за дело. Кроме того, так получилось, что в нашем полку все три командира мотострелковых батальонов были капитанами, капитан был и командир танкового батальона и только командир дивизиона был майором. В целом такое омоложение офицеров полка произошло потому что только этим летом закончилось перевооружение полка на БМП-1, вместо БТР-60ПБ. Полным ходом шло перевооружение всего полка, оставалось перевооружить ТБ и артиллерийский дивизион (АДН).

Ужин шёл своим чередом. Как в какой-то момент в палатку зашёл Шейко.

– А я вас ищу по всему батальону. – обратился замполит к комбату.

– А что меня искать? Дежурный по батальону в курсе где я. Что случилось?

– Всё нормально. – ответил замполит, стоя у входа.

Было заметно, что Шейко несколько смутился от увиденного, скорее всего он хотел немедленно уйти.

– Проходи замполит, присаживайся. Перекуси. – спокойно произнёс комбат.

– Я пойду, надо еще в 7-ю роту сходить.

– Никуда она не денется. Садись я тебе говорю. Давай по пять капель. – уже твердо произнёс комбат.

– Я чуть позже зайду. Сначала схожу в 7-ю роту. – стоял на своём Шейко.

– Успеется. Давай, не крути. Как говорят? Когда в пьянке участвует замполит, то это уже вовсе не пьянка, а мероприятие.

– Серёга, давай заканчивай, садись рядом со мной. – это уже произнёс Якушевский.

Замполит неохотно двинулся к столу. Я метнулся за табуреткой и поставил её рядом с Якушевским.

– Ладно. Можно и после сходить. – согласился Шейко.

– Наливай, что сидишь? Замполиту штрафную. – распорядился комбат и Вася мгновенно налил половину кружки водки замполиту.

– Куда столько? – возмутился Шейко.

– Давай, не скромничай. – приободрил его Лесников.

– Что скажешь Сергей? – обратился к Шейко Якушевский.

– Давайте за наш батальон!

– Давайте! Отличный тост. – произнёс комбат.

Все выпили. Якушевский посмотрел в кружку замполита и возмущенно произнёс:

– Серёга! Ты что не допил?

– Много! – отрезал Шейко.

– Нет, так не пойдет замполит. – отреагировал Лесников.

– Давай за батальон по полной. А там дальше смотри сам. – высказался Якушевский.

– Давай, давай замполит. – поддержал его Лесников.

Шейко допил и начал закусывать. Комбат вздохнул с облегчением.

– Вот это правильно. Смотри замполит. Если сделаем батальон отличным или хотя бы закончим год, следующий на «хорошо», я поеду поступать в академию имени Фрунзе, и у тебя замполит, нормальные будут шансы поступить в твою академию имени Ленина. Начальник штаба станет вместо меня комбатом, а его место займёт кто-то из командиров рот. Так Осадчий? – спросил комбат.

– Так точно товарищ капитан. Уж я постараюсь сделать свою роту отличной.

– Давай Вася, старайся.

Поговорили.

Все разговоры сводились к подготовке к войне с Китаем. Комбат многое знал о войне КНР с Вьетнамом. Рассказал нам о том, как он в должности начальника штаба батальона, служил в мотострелковой дивизии на границе с Китаем, о том, как они были в полной готовности пересечь монгольско-китайскую границу и вступить в бой с НОАК. Рассказал о том, как наш Главный военный советник во вьетнамской армии настоял на переброске вьетнамского армейско-

го корпуса из Кампучии, где этот корпус уничтожил зверский прокитайский режим Пол Пота. Как вьетнамская армия уничтожала НОАК в основном за счёт правильного применения гаубиц, миномётов и орудий танков, прибегнув к очень продуманной тактике манёвренной обороны. Очень умная и несколько рискованная тактика, не предполагающая массированное использование вьетнамской пехоты. Как наша страна в течении трёх недель сумела сосредоточить на границе с Китаем в Приморье, Монголии и Забайкалье двадцать танковых полков и сорок два мотострелковых. То есть более трёх тысяч танков, не менее чем в два раза больше БМП и БТР, почти семь тысяч РСЗО, орудий и миномётов, двадцать ракетных дивизионов оперативно-тактических ракет «Луна-М», около тысячи самолетов и целую эскадру боевых кораблей от Тихоокеанского флота. Сумели призвать из запаса более семидесяти тысяч человек, а общая численность наших войск на китайской граница составила около двухсот тысяч человек.

Рассказал он не очень много, но для нас это всё было совершенно новой информацией.

В тот момент я посмотрел на комбата совсем, с другой стороны. Если до этого разговора я думал, что мой комбат – это строевик, помешанный на Уставе, то сейчас я видел перед собой гораздо более глубокого человека. Причем я почувствовал, что комбат многое не договаривал, почувствовал, что у него есть критика по отношению к тем событиям,

которые он пережил перед надвигающейся войной с Китаем.

Для меня в какой-то момент стало важным узнать, как Лесников учился в училище. Какой он вообще человек. Ведь от этого человека, если будет война с китайцами зависит моя жизнь, напрямую. Очень остро это почувствовал.

Интересно как выглядит его оценочная ведомость, которая является приложением к диплому его Ленинградского ВОКУ? Оценочная ведомость во всех ВОКУ выглядит почти одинаково, только оценки там разные у каждого. Поэтому я хорошо понимал, что является для выпускника ВОКУ индикатором ума и способностей. Важно прежде всего, что у него по высшей математике, физике, химии, начертательной геометрии, теоретической механике, сопротивлению материалов, технологии металлов, детали машин и подъемного оборудования, электротехнике, термодинамике, гидравлике и гидравлическим машинам?

Это был не праздный вопрос. У меня по этим предметам часто были твердые тройки, не больше. А честно говоря, по двум из них (термех и сопромат) твердые двойки, по которым мне поставлены незаслуженные «удовлет».

Тем не менее, я считал, что именно все эти инженерные предметы и формируют интеллект настоящего командира. Если по ним всё нормально, то и чисто военные предметы будут на «хорошо». Как бы узнать?

И ещё я понял, что комбат не плохо изучил в своё время предметы, которые не любили все курсанты, относящиеся

к марксизму-ленинизму такие как: марксистско-ленинская философия, научный коммунизм, политическая экономия, плюс партийной-политическая работа. Это я понял из того как ловко комбат высказался насчёт того, что в нашей стране развитой социализм, чётко дал его определение как высшей ступени развития социалистического общественного строя на этапе его всесторонней зрелости. Сказал, что развитой социализм предполагает перерастание социализма в коммунизм по мере достижения необходимых условий во всех сферах жизни общества. Самое интересное что и я помнил это определение. Мне повезло что на государственном экзамене по научному коммунизму попался вопрос на эту тему и как раз я хорошо знал ответы, зазубрил в своё время. Поэтому мог хорошо оценить, что комбат тоже помнил это определение.

Но когда он говорил эти слова из научного коммунизма мне показалось что в его словах издевка, сарказм, просто перехватил его взгляд с некоторой ухмылкой. Как бы поддел замполита, но так что не придерёшься.

Кроме того, я отчетливо увидел, что комбат был несколько обеспокоен, когда в палатку зашёл Шейко и застал нас за распитием водки. Поэтому комбат приложил не мало усилий к тому что бы Шейко тоже выпил, тут и начальник штаба помог. Это критически необходимо, ведь если замполит не выпивает со всеми, значит «заложит», а вот если он со всеми, тогда это организованное мероприятие по спланированию

коллектива офицеров батальона.

Шейко тоже был удивлён увиденным. Не ожидал что комбат, вот так запросто может взять и выпить с подчиненными. Вошёл в нашу палатку и сразу оказался перед выбором: или отказаться выпивать и выслуживаться перед своими политорганами или выпить и оказаться вместе с офицерами батальона. Вот такой у него выбор. Он поступил по-офицерски. Для меня это не был сюрприз. Я для себя уже подметил что нашему замполиту батальона важно иметь авторитет среди офицеров батальона, для него это не пустой звук.

Все разошлись.

Вася мне лично поставил задачу на завтра. Мне предстояло заняться двумя БМП пулемётного взвода нашей роты, поскольку этим двум машинам уделялось меньше всего внимания.

В то время мотострелковая рота на БМП-1 имела в своём составе три мотострелковых взвода по три машины, этими взводами командовали офицеры, в роте был и четвертый взвод – пулемётный, состоящий из двух машин, по штату командиром этого взвода являлся прапорщик. Должность командира пулемётного взвода роты была вакантной, поэтому чаще всего этим взводом занимался сам Осадчий. То есть Вася, должен был непосредственно заниматься как своей командирской машиной командира роты, так и двумя машинами пулемётного взвода. Ему не хватало времени для этого.

В целом все двенадцать БМП-1 нашей роты были в отлич-

ном состоянии, но были неписанные правила, которые говорили о том, что техника требует постоянно внимания, иначе обязательно что-то сломается в самый неподходящий момент.

Комбат также сообщил что в полк сегодня военкоматы поставили около пятидесяти грузовых автомобилей из автобаз города и области, приписанных к полку, а также начал поступать приспанный личный состав из запаса, партизаны. Всего около ста человек, в основном водители, в роту материального обеспечения полка, ремонтную роту, завтра должны прибыть водители и недостающая техника во взвод обеспечения батальона.

15 декабря, около десяти часов утра полку объявлена боевая готовность «Военная опасность».

Комбат выделил на роту один Зил-131 и Осадчий едет в распоряжение полка принимать прибывающий из военкоматов приписной состав.

На мне это никак не сказалось – я занимался двумя машинами пулемётного взвода, ну и своими тоже.

В целом никакого напряжения я не почувствовал. Думал только о том, что НОАК, тоже хорошо вооружена. Пусть у них не так много, как у нас противотанковых управляемых комплексов и ракет, но у них много противотанковых гранатомётов, просто несметное количество гранатомётчиков, ведь в каждом полку у них есть отдельные гранатометные роты, в которых почти 200 человек, и это, не считая грана-

томётчиков в остальных подразделениях. Наш батальон, конечно, в любом случае отобьёт атаки танковых подразделений НОАК и с китайской пехотой справимся. Но в случае нашей контратаки китайцы тоже наши БМП будут уничтожать совершенно спокойно. Другое дело, что у нас в полку есть своя реактивная батарея, в которой девять установок БМ «Град-1», есть восемнадцать гаубиц М-30, старых, времен Великой отечественной войны. Мне один командир огневого взвода из нашего артдивизиона рассказывал, что у его гаубиц сильнейший износ канала ствола и на точность их огня рассчитывать не стоит. Но я надеялся, что до войны успеют перевооружить наш АДН.

Осадчий прибыл уже к часу дня.

Собрал офицеров.

Среди прибывших с Васей один офицер, три прапорщика все кадровые из других частей, вместе с ними двенадцать солдат из запаса – партизаны.

Осадчий распорядился солдатам «перекурить». Начали знакомиться с офицером и прапорщиками.

Прибывший офицер – замполит роты, лейтенант, Женя Бородин, закончил в этом году Новосибирское ВВПОУ. Не женат. На первый взгляд приветливый, нормальный парень.

Прапорщики.

Самый старший из них старший прапорщик Кожеватов Владимир Петрович, ему уже за сорок. Он старшина роты. Как-то сразу начали его называть Петровичем.

Второй прапорщик, ему тридцать пять. Сиротин Сергей, он командир пулемётного взвода. Тоже опытный, сразу видно.

Третьему двадцать девять, Белькевич Дмитрий, он техник нашей роты.

Все офицеры и прапорщики прибыли на доукомплектование полка из частей нашего армейского корпуса, штаб которого располагался в городе Фрунзе.

Осадчий распределил солдат. Мне дали троих. Дал их документы быстро изучить.

Все трое киргизы, разумеется из Ошской области. Срочную служили в военно-строительных отрядах. Поговорил с ними, расспросил. Выяснилось, что за всю службу один раз стреляли и то только из автомата, перед присягой. Выпустили всего девять патронов. Ничего не умеют и не знают.

Подошёл к Осадчему и всё это попытался рассказать. Здесь уже стояли все офицеры и прапорщики роты. Он меня перебил:

– Всё знаю. У всех такие. Командир полка сказал «будете учить». Всё точка. Прорвёмся. Расскажем, покажем, научим, заставим.

Внешний вид у солдат был по-настоящему партизанский. Из-под шинели торчали свитера, гражданские перчатки, шарфы, расстегнутые вороты, не стрижены.

Несмотря на прибывших офицера, прапорщиков и партизан нам ещё было очень далеко до полной укомплектован-

ности. Вместе с офицерами и прапорщиками в роте должно было быть 116 человек.

К вечеру из полка привезли недостающие печки, трубы, палатки.

Палатки и печки были сняты с неприкосновенных запасов полка – «НЗ», о чём красноречиво говорила маркировка.

Приступили к дооборудованию лагеря. «Партизаны» включились в работу и дело начало продвигаться быстрее. Удивляться нечему, эти партизаны опытные мужики в возрасте от 25 до 40 лет. Руководил этим всем Петрович. Как хорошо, когда в роте есть старшина.

Ближе к ночи в батальон привезли еще человек пятьдесят «партизан». Ко мне во взвод дали ещё двоих, тоже служили в стройбатах.

Я сегодня в роте ответственный. Провел вечернюю проверку. Доложил Осадчему. Всё нормально. Проконтролировал отбой, зашел в нашу офицерскую палатку.

Вася приказал без меня не начинать.

Выпили, познакомились, поговорили. Бородин нормально себя вёл, не откручивался, выпивал наравне со всеми.

16 декабря стало известно, что военкоматы срывают поставки приписного состава, люди начали прятаться.

В роту прибыло только шесть человек, узбеки. Узбеки, ведут себя нагло, ко мне пытаются обращаться на «ты». Я их одёргиваю, но они только нагло улыбаются в ответ, дескать: сынок, что ты там из себя строишь.

Осадчий собрал весь вновь прибывший в роту личный состав, лично начал проводить с ними занятия. Простейшие. Начали с автоматов. После обеда уже приступили к выполнению упражнения учебных стрельб № 3 – стрельба по появляющимся целям. Командиры взводов проводили занятие со «старым» личным составом, солдатами и сержантами срочной службы на технике.

Вечером, когда мои «партизаны» вернулись в строй взвода обратил внимание насколько улучшилась дисциплина, после занятий по боевой подготовке.

Подумал, что в это воскресенье мы с Сашкой должны были провести весь день с замполитом, а вечером намеривались уйти к нашим женщинам, заодно проговорить вопрос встречи Нового года. Сорвалось. Ладно, в следующее воскресенье сделаем.

17 декабря около восьми утра в батальон привезли еще человек семьдесят. Мне во взвод дали пять человек. Три киргиза, узбек и уйгур.

Одновременно с этим к вечеру из батальона собрали человек пятнадцать «партизан» и отправили их обратно в полк. Там с ними будут уже военкоматы разбираться и райкомы партии. Оказались среди призванных из запаса люди, совершенно не отвечающие даже минимальным требованиям, больные.

18 декабря в батальон прибыл генерал из штаба округа, зампотех полка и комбат ему показали автомобильную тех-

нику, которую поставили в батальон из народного хозяйства. Это была самая настоящая рухлядь. То есть начальники автобаз избавлялись таким образом от самой старой техники. Заодно генерал поговорил и с командирами рот, которые ему пожаловались, что прибывший на доукомплектование личный состав, все как на подбор, служили только в военно-строительных отрядах. Генерал нормально всё выслушал и сообщил, что с автомобильной техникой ситуация будет резко исправлена. В ближайшее время. С личным составом другой подход. Дело в том, что призывники из Ошской области, в большинстве своём не призывались в боевые части, служили в стройбатах, поэтому мобилизационных резервов специалистов боевых подразделений в Ошской области практически нет.

19-20 декабря началась замена автомобильной техники батальона. Шейко нам, как бы в шутку, сообщил что начальников автобаз области после разговора с командующим войсками округа вызвал к себе первый секретарь обкома партии и пригрозил им расстрелом, в случае если будет установлено что в полк поставлена не исправная автомобильная техника. Сказал, что на этом мероприятии присутствовал также наш начальник политотдела полка, тоже там объяснял политику партии.

К полудню 21-го декабря батальон был полностью укомплектован личным составом. То есть основная часть личного состава прибыла одномоментно, залпом, к полудню. Яку-

шевский объяснил нам причину. Сказал, что местные военкоматы столкнулись с такой задачей впервые, не готовы были. Начали работать в авральном режиме. Не справлялись. Первый секретарь обкома узнал от командующего состояние дел. Направил в помощь в военкоматы машинисток с предприятий, выписывать повестки. Ночью выписывают повестки. Утром подключённая к делу милиция их вручает. Также пригрозил посадками и расстрелами. Оказывается, что это была не штука. Дело быстро пошло, милиция забегала всерьёз. Всех начали мести. Нашли тех, кто прятался, и по рассказам, применение к ним физической силы не было чем-то необычным.

К этому же времени в батальоне полностью заменили автомобильную технику, прибывшую из народного хозяйства. Даже поверхностным взглядом было видно, что вновь прибывшая техника была в очень хорошем состоянии.

Личный состав сразу берем «в оборот». Записали. Закрепили оружие. Разместили. Обед. После обеда – боевая подготовка. Всё как положено. Расписание занятий роты. У меня, как и у всех командиров взводов план-конспекты. Первый час – занятия по строевой подготовке, просто для того чтобы личный состав привести «в чувства». Личный состав сначала начал проявлять нежелание и недовольство, были и попытки поспорить, поговорить. Начали пресекать очень жёстко, но не очень результативно. Однако, язык прикусили на время. Всё-таки работа с партизанами – это очень сложно. На-

до признать, что у всех офицеров нервы были на пределе. А потом....

Боевая подготовка пришла на помощь. Как только эти взрослые дяди увидели, что такой молодой лейтенант, а знает столько что им и не снилось, как только они поняли, что это не только строевая подготовка, а это владение оружием, таким разнообразным, какое есть в мотострелковом взводе, появился интерес. Что и говорить мужики есть мужики, когда видят оружие, тем более которое впервые видят, появляется тяга к нему, а следом и дисциплина. Тут же и статус сержантов срочной службы поднялся, ведь они тоже участвовали в обучении. То есть если к обеду приписной состав представлял из себя банду. То к утру 22-го декабря, после ночных занятий это уже был плохо обученный взвод, ну с небольшой натяжкой.

Комбат очень сильно взвинтил темп, особенно за счет боевой подготовки. Правильное решение. Не дал «партизанам» опомниться, не дал им возможности качать права. Этот урок я хорошо усвоил. Такое решение комбата, очевидно было основано на его личном опыте, подготовки к войне с КНР, когда ему пришлось доукомплектовывать батальон, приписным составом из Бурятии и Читинской области. Там у него не все было гладко, он сам говорил. Рассказывал, как упустили момент, и партизаны практически полностью отказывались выполнять требования своих командиров, а в какой-то момент полностью вышли из повиновения – массово. При-

зывные ресурсы Читинской области, тоже не сахар, там специфика в другом – в том, что у многих очень своеобразное отношение к любой власти, хотя опыт службы по призыву почти у всех в боевых частях. Правда там он был ещё начальником штаба батальона. Здесь он уже комбат и всё учёл.

После ночных занятий личный состав был основательно измотан. Комбат, после чистки оружия и завтрака разрешил личному составу отдыхать. Офицеры – пишут конспекты. Через два часа представляем их начальнику штаба. И тут же поднимает весь личный состав батальона по тревоге. Приступаем к занятиям по боевой подготовке. Начинаем с метания гранат. Личный состав начинает роптать. Осадчий построил роту и коротко побеседовал. Немного помогло. Обед и опять занятия. Обратил внимание как начал уверенно командовать своим отделением Иван. Как быстро вырос его авторитет в глазах этих самых «партизан», некоторые старше его вдвое, тем более для киргизов, узбеков и уйгуров превосходство в возрасте имело очень большое значение. Но, они видят, что Иван очень неплохо знает машину, знает всё вооружение отделения. Это для них многое значило. Это они уважают. Еще понял, что особое значение для наших партизан сыграли такие занятия как метание гранат, стрельба из пулемётов, стрельба из гранатомётов. Иной раз они как дети радовались и гордились если похвалишь.

К вечеру я уже сам был настолько измотан что, только добравшись до теплой палатки, только присев на кровать – сра-

зу уснул. Едва растолкали, когда пришёл Хари, доложил, что оружие почищено и сдано в оружейную комнату (отдельная палатка).

Осадчий разрешил после ужина, отбой личному составу. А мы пишем конспекты на завтра.

К одиннадцати вечера закончили. Даже по сто грамм не хотелось. Умылся, почистил зубы и спать.

23-го декабря в 3 часа 40 минут офицеров и прапорщиков подняли по тревоге. Собрал комбат.

Все собрались мгновенно, впервые почувствовали, что это не просто так.

Лесников обвел нас тревожным взглядом. Дождался полнейшей тишины и произнес:

– Товарищи офицеры, товарищи прапорщики! Довожу до вашего сведения что в полк двадцать минут назад поступила кодограмма штаба округа о приведении полка в боевую готовность «Полная». Полк снимает всё с неприкосновенных запасов. Всё должно быть рассчитано на длительные учения окружного масштаба, до трех месяцев. Офицеры и прапорщики, получаете автоматы и лично, каждый, по две гранаты РГ-42. Кроме этого, получаем ПЗРК «Стрела» по 3 штуки на роту, по одному в каждый мотострелковый взвод, и штатный боекомплект на каждую БМП ПТУР «Малютка», то есть по четыре штуки. Это первое. Далее, все офицеры и прапорщики получают полушубки, на весь личный состав получить валенки и комплекты зимней полевой формы одежды. Коман-

дирам подразделений получить на личный состав денежное довольствие за декабрь. Начфин подъехал и ждёт вас в палатке взвода обеспечения. Так начальник штаба у тебя есть что?

Якушевский поднял голову и произнёс:

– Так точно. Первое. Господа офицеры получаем листы карт и сегодня до 19 часов жду доклад о том, что клейки готовы.

– Замполит, у тебя что?

– Сегодня вечером смотрю полевые ленинские комнаты. Напоминаю, по итогам дня в каждом взводе должен быть боевой листок. Ведём их подшивку, в готовности представить по первому требованию, начальнику политотдела полка. И самое главное, продолжаем изучать личный состав. Завтра политзанятия – конспекты.

Некоторые не знающие особенности устройства политарганов в Советской армии удивятся что в нашем полку был не замполит полка, а начальник политотдела. Не стоит этому удивляться – это особенность отдельного мотострелкового полка, здесь особый штат.

Осадчий меня отправил получать листы карт и обучить писаря роты правильно и аккуратно их клеивать.

Пришел к заместителю Якушевского, не молодому уже капитану в возрасте не менее чем 35 лет, только вчера прибывшему на доукомплектование из какой-то части расположенной во Фрунзе, капитану Грекову – самому возрастному

офицеру батальона. Кроме меня к нему подошли офицеры из других рот и батареи.

– Так, ты у нас из 9-й роты?

– Так точно товарищ капитан, лейтенант Макаров.

– Подходим товарищи офицеры. Смотрим.

Перед нами была развёрнута уже готовая рабочая карта командира батальона. Склейка карты начиналась от нашего расположения и заканчивалась поселком Ишкашим Таджикской ССР, с небольшим кусочком прилегающей территории Афганистана. Таким образом, склейка захватывала все горные вершины Памира, расположенные в районах Памирского тракта.

– Что это значит товарищ капитан? – спросил командир взвода управления минометной батареи нашего батальона. Такой же, как и я лейтенант.

– Что не видишь сам что ли? Эта дорога ведёт к Афганистану, а не к Китаю. То есть похоже после Сары-Таш мы не повернём на восток в сторону границы с Китаем, до которого там будет километров 70, не больше. То есть нас не интересует Алайская долина. Судя по всему, нам предстоит идти на юго-восток в сторону Хорога и далее к границе с Афганистаном. Хотя это может быть легендой учений. Придёт время всё узнаем.

Эта новость всех очень удивила. Замолчали. Получили листы карт и ушли к себе. Я сам лично склеил карту Осад-чему, показал писарю роты как это правильно и аккуратно

делать. Потом начал клеить свою карту, а писарь под моим руководством начал клеить карту Женьке Бородину, чтобы затем склеить карты Виктору, Сашке и Сиротину.

В это время Женя собрал всю роту и проводил политзанятия. Волей-неволей слушал его. Пока Женя рассказывал об ужасах китайской культурной революции, о маоистском кровавом режиме Пол Пота в Кампучии, о вынашивании агрессивных планов «китайских маоистов и их заокеанских покровителей», особенно меня ничего не удивляло. В какой-то момент, я не уловил каким именно образом, Женя перекинулся на «сионистов». Интересно, а эти тут причем? Подумал я. Однако чуть позже, Женя каким-то образом опять вернулся к этим «маоистам». Всё нормально подумал я. В конце занятий вообще у Женьки вышло с воодушевлением, когда он сказал, что против «агрессивных намерений Китая готовы вместе с СССР выступить все страны организации Варшавского договора (ГДР, Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария), кубинский народ, а также вьетнамский, кампучийский, лаосский и даже дружественная Индия, численность населения которой скоро догонит численность китайского населения».

К этому времени карты были готовы, и я уже сам нанес на свою рабочую карту необходимые надписи, да научил это делать писаря роты.

Тем временем, наступили сильные холода. Температура достигла 25 градусов мороза.

Как-то одновременно в палатке собрались все офицеры и прапорщики роты. Вася пока шли политзанятия занимался с командирами взводов и техником роты на технике. Старшина своими делами занимался.

– Ох ни хера себе! – воскликнул Виктор, когда первым заметил раскладку карты.

– Что Витя? – недоуменно спросил его Сергей Сиротин.

– Посмотри сам. – Виктор молча уперся острием простого карандаша в населенный пункт под названием Ишкашим и далее, как бы не произвольно провел к самому краю последнего листа карты, населенному пункту с названием Файзабад, через одноименный афганский Ишкашим и посёлок Гульхана.

– Я только что от комбата. Похоже идём к границе с Афганистаном, возможно это отвлекающий манёвр для китайцев. Честно скажу, что ни хера не понятно. – задумчиво произнёс только что вошедший Осадчий.

– Мне кажется решили нас потренировать, прогнать по Памиру. Да вот чтобы китайцев не провоцировать, решили погонять ближе к границе с Афганистаном, а не в Алае. – как-то совсем беззаботно произнёс Женька.

– Нет, не скажите товарищ лейтенант. Тут что-то не то. – спокойно высказался старшина.

– Что не так Петрович?

– Ну вы же сами мне вчера показывали свои подсчеты по национальному составу роты.

– Ну показывал. И что?

– А то что по ту сторону границы с Китаем, у них живут уйгуры, а у нас в роте сколько?

– Но наши-то – это наши. Это советские люди.

Никто не решился разговаривать с замполитом на эту щекотливую тему о национальном составе.

– Замполит, а мне почему не показал все эти свои подсчеты по национальному составу? – с ноткой недовольства в голосе произнёс Осадчий.

– Не успел. Надо ещё раз всё перепроверить. Сегодня доложу. Но и так понятно в целом что процентов 20 – это славяне, прибалты и все они по призыву. Около 8 процентов – это удмурты, татары, чувашаи, мордвинаы, тоже все по призыву, 2 процента – это Кавказ.

– Повезло – чуть слышно заметил старшина.

– В каком смысле? – отреагировал Бородин.

– Погодите товарищ лейтенант. Потом сами поймёте мои слова. – осторожно заметил Петрович.

– Женя, не строй из себя целку. Всё ты понял. – заявил Саша.

– Ладно. Понял, конечно. Но эти разговоры могут быть только между нами.

– Женя, а я вот если надо любому скажу, что захочу. Мне плевать. Будут выпендриваться – рога поотшибаю. – это уже Виктор включился в разговор.

– Так, всё! Хорош! Женя, давай дальше. – грозно произ-

нёс Вася.

– Около 35 процентов – киргизы, около 35 процентов – узбеки и уйгуры. Уйгуров 11 человек.

– Понял. Окончательно всё точно посчитаешь, доложишь.

– Есть. Кроме того, среди партизан 6 человек – члены КПСС. У нас члены партии: командир роты, я, Виктор, все 3 прапорщика и 6 солдат. Итого в роте 12 членов партии. – заключил замполит.

– И ни одного подготовленного снайпера, ни одного подготовленного стрелка-зенитчика, умеющего пользоваться «Стрелой», ни одного наводчика, имеющего практические навыки стрельбы из ПТУР. Ни одного гранатометчика который до вчерашнего дня стрелял из гранатомета. Все пулеметчики полные долб...бы, которых надо очень долго учить и первые выстрелы из пулеметов они сделали только позавчера. И так далее. Одним словом, наши партизаны – это вооруженный стройбат, в котором они когда-то служили. – произнёс со злобой в голосе Вася.

Все молчали.

– Среди киргизов оказался один очень способный для обучения на снайпера. Я с ним вчера персонально позанимался. – сказал Виктор.

– Фамилия? – резко спросил Вася.

– У меня во взводе. Сагынбаев. Надо отдельно заниматься.

– Решим. А вы в своих взводах подобрали кого-нибудь на

снайперов? – спросил Вася.

– Срок был сегодня до 20-00 доложить. – за всех ответил Сашка.

Осадчий молча кивнул головой. Потом распределил кто и чем занимается. Всех четырех командиров взводов отправил проводить занятия.

Занятия толком не провели. Весь день прошел в суете связанной с получением имущества и прочими заботами. Замполит раздал изготовленные под его руководством на плащ-палатках походные ленинские комнаты взводов. Кроме того, попросил меня найти возможность и загрузить часть фанерно-деревянных планшетов ленинской комнаты роты, которые занимали много места. Виктор ему очень резко и агрессивно отказал, и я согласился взять побольше.

Вместе с тем стало известно, что танковый батальон полка не получал на доукомплектование «партизан». Это могло означать только одно – наши танки по Памиру не пойдут.

Вечером подошёл Сашка:

– Что подругам говорить будем?

– Надо бы позвонить и предупредить что у нас учения начинаются. Позвони своей, пусть и мою предупредит. Скажи, что 31-го должны вернуться. Пусть ждут и готовятся.

– Схожу к дежурному, у него есть городской. Позвоню.

Глава 3

24 декабря в 2 часа ночи полк был поднят по тревоге. Температура 27 градусов мороза, поднялся сильный ветер, пошел небольшой снег. Начали заводить технику. У нас в роте завелись все БМП и только у меня во взводе одна машина не заводится. Не успел я разобраться в причинах, как Осадчий уже распорядился. Через несколько минут БМП начали таскать по полевому парку. Завели. Хорошо, что комбат не заметил. И не мудрено.

В батальоне почти полсотни БМП и штук сорок колесных машин. Если БМП завелись нормально, то из колесной техники смогли завестись единицы. Зампотех батальона с прапорщиками: командиром взвода обеспечения и командиром взвода технического обеспечения бегали и распоряжались, по всей территории полевого парка таскали автомобильную технику. Партизаны-водители действовали очень уверенно, сначала завели свои машины, потом принялись помогать водителям-срочникам и друг другу, проявляли инициативу, несмотря на сильный мороз.

Такие действия партизан заметили все офицеры, я впервые подумал о том, что совсем не плохо, когда у тебя бойцы вот такие умудренные жизненным опытом солдаты, хотя мне очень тяжело с ними, особенно насчёт дисциплины.

Тем временем, поступила команда сворачивать лагерь.

Комбат выделил по два Зил-131 на каждую роту, для имущества. Петрович взял всю эту работу в свои руки, дело продвигалось очень организованно и быстро.

Около 4 часов утра из роты материального обеспечения полка (РМО) – приехали машины с пустыми бочками и заправщики. Приказано заправить бочки особой, арктической соляной и по две штуки закрепить на каждую БМП – это НЗ.

К 6 часам утра всё было готово. Мы уже основательно промерзли. Стоим ждем команды. Личный состав рассадили по своим местам.

Что из себя в то время представляло мотострелковое отделение на БМП-1, которым командует сержант срочной службы? Это экипаж – 3 человека: командир (сержант), наводчик-оператор (пушка, ПКТ, ПТУР), механик-водитель. Десант – 8 человек: старший стрелок – ефрейтор, 2 пулеметчика с пулеметами ПК и РПК, 2 стрелка-помощника пулеметчиков, стрелок-гранатометчик с РПГ-7, стрелок-помощник гранатометчика, стрелок (он же нештатный «снайпер»). Однако, тогда поступила команда вместо автоматов выдать этим нештатным снайперам снайперские винтовки СВД, сказали, что это эксперимент во время учений будет такой. Не придали мы этому большого значения тогда. Таким образом, в отделении одно БМП-1, одиннадцать человек. Где согреться? Только в машине. Вот тут и проявилось то за что нас «драл» Лесников и за чем очень пристально

следил Осадчий. С замиранием сердца запустили отопители десантного отделения. Всё работает. Да, жары там не будет, но все равно так значительно теплее.

В 7 часов утра горячий завтрак, приготовленный в ПАК-200, которые совсем недавно были поставлены на вооружение тыловых подразделений полка. Раздали сухой паек на сутки, начиная с обеда и по пачке сигарет.

Около 8 часов утра из медпункта полка приехал старший лейтенант медицинской службы. Собрали всех офицеров и прапорщиков. Доктор нам кратко и конкретно рассказал про горную болезнь. Симптомы, причины, как бороться. Разумеется, я всё это знал ещё из училища.

После этого комбат приказал все что разъяснили нам, разъяснить личному составу.

Собрал взвод и объяснил. Хотя мне показалось что народ это воспринял прохладно. Я и сам считал, что это не страшно. Думал, что меня это коснется в небольшой степени, если вообще коснётся. Всё-таки в училище у меня зародилась уверенность в том, что я способен стойко переносить всё что связано с горами.

Около 10 часов утра Лесников отдал приказ на марш.

Картина прояснилась окончательно. Отдан приказ идти до Хорога. Общая протяженность маршрута около 730 километров. К исходу дня батальон должен достичь Сары-Таш, там ночёвка.

ТБ полка (54 танка и около 30 автомобилей) остается в

пункте постоянной дислокации. По Памирскому тракту танкам не пройти. Так мы и думали.

Первой пошла разведрота полка, управление полка, рота связи, комендантский взвод.

2-й МСБ уже всюду совершает марш, за ним ушёл 1-й МСБ, через пятнадцать минут начало движения у нас. За нами пойдёт АДН, то же колонна не маленькая: 18 прицепных древних гаубиц М-30, в качестве тягача Зил-131, а общее количество автомашин в дивизионе чуть более сорока.

За дивизионом идёт противотанковая батарея полка (штук 15 единиц техники), а за ними реактивная батарея полка «Град-1» – 9 пусковых установок на базе ЗиЛ-131, 9 транспортно-заряжающих машин, 7 транспортных машин (всего 25 машин). Далее, зенитная ракетная артиллерийская батарея полка: 4 ЗРК «Стрела-10» на базе МТЛБ и 4 ЗСУ «Шилка», плюс пункт управления командира батареи на базе БТР, да несколько грузовых машин. За ними рота химзащиты (около 20 машин). Далее инженерно-саперная рота (ИСР, около 25 машин), за ними рота материального обеспечения полка (около 70 автомобилей), далее полковой медицинский пункт (9 автомашин) и замыкает колонну полка ремонтная рота (техническое замыкание).

Батальон медленно начал движение. Легкое волнение. Пошли. Впереди нас 7-я и 8-я роты, за нами гранатометный взвод, противотанковый взвод батальона, взвод связи, зенитный взвод, минометная батарея на ГАЗ-66, потом медпункт

батальона, далее Уралы и ЗиЛ-130 с ГАЗ-53 прибывшие из народного хозяйства взвода материального обеспечения и взвода технического обслуживания батальона. Колонна батальона растянулась на пару километров.

Начинаем медленно подниматься в горы. Полное отсутствие растительности. Горная пустыня. Впереди перевал Чийирчик 2402 метра высота над уровнем моря. Мороз крепчает. Ветер усиливается. Начинается настоящий снегопад. Этот перевал в 40 километрах к югу от города Ош.

Идем нормально. Уверенно. Это самое начало Памирского тракта – зимой условно проходимого. Дорога здесь пока что нормальная.

К 13 часам преодолели Чийирчик. Первая остановка. Справили нужду. Размялись. Осадчий собрал всех офицеров, прапорщиков, командиров отделений и механиков-водителей.

– Не спать! Терпеть! Командиры следите за своими механиками. Если механик уснёт это смерть! Командиры взводов если видите, что механик готов, пересаживайтесь сами за штурвал. Тылы отстают. Надеемся только на себя. Сухпай экономим. Кто знает, что там дальше будет. Вопросы?

Вопросов ни у кого не было.

Минут через двадцать продолжили движение. Комбат торопит. Идем дальше.

Следующая точка – перевал Талдык, 3615 метров над уровнем моря, проходит через Алайский хребет. Это самый

настоящий серпантин. Дорога уходит вверх, на юг, извилистой змейкой. Мороз под 40 градусов, сплошной лед. Снег валит и валит. Движение по ней носит особый характер. Ещё раз прошла команда о запрете остановок и переключения передач. Иначе смерть. В условиях большой колонны такое движение вниз означает еще и угрозу срыва в пропасть для машин, идущих сзади. Напряжение растет. Шквальный сильнейший ветер. Очень медленно ползем, сильно растянулись.

Сижу на броне по-походному. Шарфом замотал лицо. Не помогает. Нос вообще не чувствую. Руки деревянные. Пытка. Сходить даже «по-легкому», целое дело. Здесь уже начали ощущать недостаток кислорода. Клонит в сон. Организм еще совсем не адаптировался к горам.

Подошел Хари докладывает, что на одной из машин механик совсем уже не может. Вырубается. Я решил сам сесть за механика этой машины.

Кстати сказать, позднее понял, что это моё такое естественное решение вызвало чувство огромного уважения и удивления у партизан. Это мне мои сержанты потом рассказали. Просто партизаны не думали, что командир сам умеет выполнять обязанности механика-водителя и может вот так запросто сесть за штурвал, подменить своего солдата – такое они в своём стройбате не видели и не слышали никогда. Естественно. Говорят, даже обалдели напрочь. А мы относились к этому как «само собой».

Опять остановка. Небольшое расширение дороги. Ели-ели начали разминаться. Это не выносимо. Пульс очень сильный и дыхание учащенное. Собрал взвод. Осмотрел людей. Славяне совсем сникли. Партизаны в целом бодрее. Несколько человек из числа партизан, киргизы держатся очень бодро и их больше беспокоит лютый мороз и сильнейший ветер.

Хари пожаловался на сильнейшую головную боль. Пожалуй, он хуже всех во взводе переносит горы. Держится за голову постоянно. Двигаться для того чтобы разогреться тоже не может. Я его торможу, но он злобно огрызается. Чувствую, что он в таком состоянии может послать меня подальше.

Вызвал санинструктора роты. Пришел. Сержант из числа партизан, ему чуть более тридцати лет. Узбек. Закончил медицинское училище и работал в санчасти какого-то предприятия. Померил у Хари пульс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.